

оригинальная статья

Интернет-зависимость как способ развоплощенного бытия

Коптева Наталия Васильевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, Пермь

<https://orcid.org/0000-0003-1466-9453>kopteva@pspu.ru

Поступила в редакцию 08.07.2022. Принята после рецензирования 15.09.2022. Принята в печать 26.09.2022.

Аннотация: Преобладающая в исследованиях клиническая модель зависимости от Интернета, симптоматика которой принципиально не отличается от установленной в отношении ранее известных поведенческих и химических аддикций, существенно депсихологизирует феномен, порождаемый массовым использованием технологий, ассоциируемых с доступом в киберпространство. В статье психологическая специфика интернет-зависимости соотносится с развоплощением пользователя информационных технологий, отсутствием у него физического тела. Утверждается, что технологическое развоплощение, являясь в противоположность анонимности пользователя неизбежным следствием применения Интернета, не уступает ей по своему значению в формировании зависимости и сопутствующих расстройств. Феномен виртуального бессубстанционального Я, представляющий собой манифестацию архетипа духа в реалиях цифрового общества, превосходит анонимность по значимости и масштабам. Основания теоретической модели невоплощенности в Интернете составляют положения концепции шизоидного развоплощения (*disembodiment*), невоплощенности Я (*unembodiment*), принадлежащей британскому экзистенциальному психологу Р. Д. Лэйngu. Усматривается аналогия между уходом шизоида от реальности посредством «выхода» из собственного физического тела и отличным от других аддикций способом эскапизма, характерным для интернет-зависимости. Сопоставляются измерения соответствующих эмпирических конструкторов: адаптированной версии китайской шкалы (С.-Х. Чен) – инструмента, наиболее последовательно реализующего клиническую модель интернет-зависимости, и диагностической методики *Невоплощенности в Интернете* (Н. В. Коптева, А. Ю. Калугин, Л. Я. Дорфман). Полученные результаты указывают на то, что при интернет-зависимости традиционная симптоматика аддикций соотносится со слабостью расколотого Я, а обычный спектр производных от них проблем дополняют проблемы, связанные с развоплощением (виртуализации, дереализации Я пользователя, переживания иллюзорности существования). Зависимость и невоплощенность в Интернете интерпретируются как аспекты особого технологического модуса бытия человека в информационном обществе.

Ключевые слова: невоплощенность в Интернете, технологическое развоплощение, аддикции, симптоматика интернет-зависимости, бегство от реальности, развоплощенное бытие

Цитирование: Коптева Н. В. Интернет-зависимость как способ развоплощенного бытия. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 785–792. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-785-792>

full article

Internet Addiction as a Mode of Disembodied Existence

Natalia V. Kopteva

Perm State Humanitarian-Pedagogical University, Russia, Perm

<https://orcid.org/0000-0003-1466-9453>kopteva@pspu.ru

Received 8 Jul 2022. Accepted after peer review 15 Sep 2022. Accepted for publication 26 Sep 2022.

Abstract: According to the prevailing clinical model of Internet addiction disorder, the symptoms of Internet addiction are not substantially different from the ones of other previously known behavioral and chemical addictions. In the present article we argue that this model significantly depychologizes the phenomenon which stems from the mass use of information technologies providing access to cyberspace. We compare psychological characteristics of the Internet addiction to disembodiment, that is, lack of the physical body of an information technology user, first described by the media theorist M. McLuhan. Alongside anonymity, technological disembodiment is the inevitable consequence of the use of the Internet, and it is just as important in the formation of the addiction and accompanying disorders. But the phenomenon of virtual unsubstantial self which represents the manifestation of the Spirit Archetype in the realities of the digital society obviously exceeds anonymity in terms of importance and scope. Our theoretical model of the disembodiment on the Internet is based on the conceptions

of 'schizoid disembodiment' and 'unembodied self' by the British existential psychologist R. D. Laing. In particular, there is evidence to suggest likeness between the withdrawal from reality of a schizoid by way of 'exit' from their own physical body and the form of escapism specific to the Internet addiction in contrast to other addictions. Respective empirical constructs were measured and compared. We used the adapted version of the *Chinese Scale* by S.-H. Chen, which implements the clinical model of Internet addiction most consistently, and *Disembodiment on the Internet Diagnostic Technique* by N. V. Kopteva, A. Yu. Kalugin and L. Ya. Dorfman. The results indicate that with Internet addiction traditional symptoms of addictions correlate to the weakness of the divided self. This causes a range of problems aggravated by the ones caused by disembodiment, namely virtualization, de-realization of the self of a user and experience of illusiveness of existence. The data shows that dependence and disembodiment on the Internet may refer to a specific technological modus of a person's existence within the information society.

Keywords: disembodiment on the Internet, technological disembodiment, addictions, symptoms of Internet addiction, escape from reality, disembodied existence

Citation: Kopteva N. V. Internet Addiction as a Mode of Disembodied Existence. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 785–792. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-785-792>

Введение

Вопрос о расширении (в более радикальной постановке – пересмотре) психологического понимания аддикций [1, с. 47; 2] не утрачивает актуальности. В условиях информатизации практически всех сфер жизни общества, дополнительный импульс которой придала пандемия COVID-19, это в первую очередь относится к интернет-зависимости, приобретающей характер не менее масштабной эпидемии.

Между тем критерии новой формы зависимости существенно не изменились с начала ее изучения, о чем свидетельствует используемый в исследованиях инструментарий. Соответствующий тренд был задан К. С. Янг, создавшей тест интернет-зависимости (*Internet Addiction Test, IAT*) [3], признаки которой устанавливались по аналогии с игроманией. Спустя почти двадцать лет С. Лакони и др. в обзоре, включающем 45 обнаруженных в электронных базах шкал, предназначенных для диагностики интернет-зависимости, констатируют, что основание 29 из них составляет игромания и / или зависимость от психоактивных веществ [4, р. 192–194]. Обратной стороной универсальности модели компьютерной наркомании, симптомы которой в основном совпадают с симптомами ранее известных аддикций, является определенная депсихологизация интернет-зависимости. Тем не менее К. С. Янг одной из первых признала анонимность пользователя в качестве специфического главного фактора широкого распространения разных типов зависимости от Интернета (киберсексуальной, пристрастия к виртуальным знакомствам в Сети, навязчивого web-серфинга, зависимости от онлайн-игр и т. д.). К. С. Янг увязывала анонимность с наиболее значительными расстройствами, сопровождающими интернет-зависимость: отклонениями от нормы в поведении, угрозой успешности в жизни за пределами Интернета, негативным влиянием на внутрисемейные отношения, использованием альтернативных онлайн-персонажей.

Общепринятое представление об интернет-зависимости как проявлении эскапизма, подобно клинической симптоматике, объединяет ее с другими аддикциями. З. Фрейд утверждал, что алкоголь и наркотики обеспечивают потребителям высокую степень независимости от внешнего мира, шанс «в любой момент уклониться от гнета реальности и найти убежище во внутреннем мире» [5, с. 306]. Следуя психоаналитическому подходу к аддикциям, К. С. Янг соотнесла анонимность пользователя с уходом в фантастический виртуальный мир Интернета [6]. В разработанной модели ACE К. С. Янг среди свойств Интернета как аддиктивного агента находит место и для анонимности. Модель объясняет приверженность людей к Сети и превращение в ее пленников доступностью желанного контента и действий (*Accessibility*), возможностью контроля и анонимным характером коммуникации (*Control*), а также перспективой творить в Сети более комфортный мир, гарантирующий достижение необходимых эмоций, экзальтации и возбуждения (*Excitement*) [6].

Представляется, что анонимность имеет отношение к другому психологическому эффекту информационных технологий – отсутствию у их потребителя физического тела, на что первым указал выдающийся теоретик медиа М. Маклюэн¹, имея в виду современные ему обычный проводной телефон, радио и телевидение. С появлением персональных компьютеров, позволивших пользователям «созерцать собственную умственную жизнь, существующую отдельно от тела» [7, р. 22], факт технологического развоплощения привлек к себе интерес исследователей киберкультуры, но не стал предметом самостоятельного изучения.

Дематериализация пользователя «в эфире» – феномен более важный и масштабный, чем анонимность. В отличие от анонимного статуса она не предполагает личного выбора. Если анонимность виртуальной идентичности сегодня

¹ Выступление Маршалла Маклюэна на семинаре профессора Форсдейла (Тичерс-Колледж, Университет Колумбии, Нью-Йорк, 17 июля 1978 г.). *Marshall McLuhan*. URL: <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/> (дата обращения: 21.05.2022).

можно оспаривать, учитывая особенности интернет-коммуникации конца 1990-х – начала 2000-х гг. [8, с. 33], то вынужденный онлайн-режим последних лет, отмеченных пандемией, убеждает в том, что «осуществление индивидуальной жизни преимущественно в виртуальном пространстве на данном этапе развития технологий исключает и замещает телесную жизнь личности» [9, с. 493].

Вопрос о преодолении телесности соотносится с самой сущностью человека, одновременно природной и надприродной. Мечта об освобождении души от бремени тела, подобно могильной плите, скрывающего погребенную под ней в этой жизни душу [10, с. 634], сопровождает человечество на протяжении всей истории, возрождаясь в разных культурных контекстах, в том числе порожденных информационным обществом. М. Маклюэн формулирует ее следующим образом: «Когда у тебя... нет тела, то ты не соотносишься с естественным правом и законами природы. При скорости света ты неподконтролен гравитации. Ты внезапно оказываешься вне естественного хода вещей. Ты супермен. Вот это и влияет на человеческую психологию. Полностью изменяет людей. <...> Эта трансформация, абсолютная трансформация пользователя никогда не упоминается»². Безоценочность этого суждения не предполагает стигматизации информационных технологий и подразумевает как колоссальное расширение возможностей человека, лишенного физического тела, так и угрозу порабощения ими.

Отделенное от физического тела ментальное Я подпадает под имеющий множество значений и нюансов архетип духа, который К. Г. Юнг определяет как тонкую, окрыленную, летучую, активную, подвижную сущность и соотносит с динамическим принципом [11, с. 294–295]. Таким образом, в феноменологию искусственного технологического развоплощения вписываются расширение и размывание психологических границ при нормативном использовании информационных технологий [12]. К выгодам развоплощения, которые определяют его потенциал как фактора формирования зависимости от технологий, ассоциирующихся с Интернетом, помимо изменения психологических границ можно также отнести скорость перемещения в киберпространстве и в меньшей мере анонимность, не связанную однозначно с бестелесным состоянием.

Идея психоанализа об уходе невротика и аддикта от реальной жизни в своем классическом варианте не подразумевает ограничений телесности. При неврозе этот уход нередко осуществляется посредством симптомов, внешне неотличимых от органических. Аналогичным образом тело человека задействовано в большинстве форм отклоняющегося поведения (пищевого, сексуального), в kleptomании, дромоании и зависимости от игр, в которой

усматривают прообраз интернет-зависимости. В случае химических аддикций ограничения подобного рода имеют место, но они относятся в первую очередь к разрушению физического здоровья, достигая, впрочем, при наркомании уровня соматопсихической деперсонализации, проявляющейся в том, что тело перестает казаться больному живым и принадлежащим именно ему [13, с. 316]. Однако именно меньшая значимость органической симптоматики является отличительным признаком интернет-зависимости. Ее особенность составляет способ бегства аддикта от актуальной действительности через уход из собственного тела с помощью менее травматичной технологии.

Подобный способ эскапизма отображен в концепции невоплощенности (*unembodiment*), разработанной известным британским психологом Р. Д. Лэйнгом [14]. Более известна она как концепция онтологической неуверенности – глобального переживания, являющегося истоком разнообразных манифестаций неуверенности человека. Оправданность избранного названия можно подтвердить ссылкой на статью Критического словаря психоанализа Ч. Ф. Райкрофта, коллеги и личного психоаналитика Р. Д. Лэйнга. В ней термины телесный (*embodied*) и внетелесный (*unembodied*) определяются как служащие Р. Д. Лэйngu для описания двух состояний бытия. Телесное состояние свойственно «людям с первичной онтологической безопасностью», которые идентифицируют себя с собственным физическим телом и не мыслят своей жизни независимо от него. Внетелесные состояния характеризуют «индивидов, лишенных первичной онтологической безопасности и имеющих чувство отделенности от своих тел»³. Эти последние состояния свойственны шизоидам, которых Р. Д. Лэйнг считает здоровыми, но глубоко несчастными людьми. Способ их бегства от реальности посредством «психического ухода в собственное "я" и выхода из тела» [14, с. 74], сопутствующие психологические трансформации, раскол Я, характеристики его фрагментов (истинного ментального и ложного воплощенного Я), структурирование бытия при развоплощенном способе существования, обусловленные им переживания и тревоги были положены в основание модели *Невоплощенность в Интернете* (НВИ), охватывающей как нормативное, так и выходящее за границы нормы использование технологии. Данная модель вместе с одноименным диагностическим инструментарием более полно представлена в ряде наших предшествующих публикаций [15–17].

Изложенные аргументы являются основанием общей гипотезы исследования о том, что выраженность традиционной симптоматики зависимости от Интернета и ухода пользователя от реальности соответствует мере его технологического развоплощения.

² Там же.

³ Телесный и внетелесный. Райкрофт Ч. Ф. *Критический словарь психоанализа*. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995. URL: https://995.slovaronline.com/402-телесный_внетелесный (дата обращения: 21.05.2022).

Методы и материалы

Выборку исследования составили 413 студентов гуманитарных факультетов вузов г. Пермь (возраст от 18 до 22 лет).

В эмпирическом исследовании использовался опросник «Невоплощенность в Интернете» [17]. Он состоит из трех шкал, две из которых представляют невоплощенную и воплощенную части Я пользователя (*невоплощенность как виртуализация и витальность воплощенного Я*), а третья (*предпочтение Интернета*) – указывает на возможную меру развоплощения. Путем вычитания из суммы показателей шкал *невоплощенность как виртуализация* и *предпочтение Интернета* показателя *витальность воплощенного Я* вычисляется общий показатель НВИ.

- Шкала *невоплощенность как виртуализация* (6 пунктов) отражает сомнение пользователя в реальности собственного Я, отстраненного от тела, поведения, поступков в действительной жизни. Дерееализация Я находит свое продолжение в суждениях, свидетельствующих о переживаниях эфемерности, иллюзорности существования, онтологической неуверенности.
- Шкала *предпочтение Интернета* (5 пунктов) раскрывает привлекающие пользователя стороны виртуализации Я, бестелесного статуса, связанные с возможностями самовыражения, общения в киберпространстве (безопасностью, относительным комфортом, анонимностью).
- Шкала *витальность воплощенного Я* (7 пунктов) отображает состояние Я, «подлинно основанного на собственном теле» [14, с. 63], от удовлетворенности телом (здоровьем, внешностью, качеством сна) до сохранности психических функций (памяти как фундамента психического) и способности брать на себя самоуправление и управление собственной жизнью. Некоторые из них по смыслу противоположны симптомам интернет-зависимости, несовместимы с обычными для нее психологическими проблемами.
- Общая шкала НВИ характеризует меру, в которой пользователь физически и экзистенциально ощущает себя нереальным и которая соответствует выраженности ориентации Я на суррогаты жизни внутри компьютеров и сетей. Низкие показатели могут указывать на приоритетность для него воплощенного Я и бытия за пределами Интернета.

Подтверждены конструктивная, внутренняя и внешняя, конвергентная и дискриминантная валидности методики, а также надежность составляющих ее шкал [17].

Интернет-зависимость изучалась посредством шкалы С.-Х. Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) [18; 19], адаптированной для русскоязычной выборки [20], которую можно считать доведенным до совершенства инструментом диагностики интернет-зависимости в ее традиционном клиническом понимании. Эта компактная шкала по-отдельности и суммарно с помощью надшкальных показателей диагностирует *ключевые симптомы зависимости*

(компульсивные, отмены, толерантности), а также связанные с зависимостью *психологические проблемы* (внутриличностные, со здоровьем и способностью распоряжаться временем).

Общий CIAS балл позволяет установить как отсутствие или наличие интернет-зависимого поведения, так и его градации: склонность к возникновению интернет-зависимого поведения (доаддитивный этап) и наличие зависимого поведения с компонентом злоупотребления Интернетом.

Методика в настоящее время широко применяется в России. В обзоре, на который мы уже ссылались, отмечаются ее положительные психометрические свойства и высокая диагностическая точность по сравнению с другими аналогичными инструментами [4, р. 196].

Между конструктами используемых диагностических инструментов имеются существенные различия. Шкала С.-Х. Чена основана на клиническом подходе: ее ограничения в плане раскрытия феномена связаны также со стигматизацией Интернета, установлением нормы через отсутствие зависимости. Методика НВИ предполагает выявление важнейшего специфического механизма, который превращает Интернет в психотехнологию, подход к патологии как искажению процесса нормативного использования Интернета.

Конкретные гипотезы исследования с учетом диагностических инструментов заключаются в следующих предположениях:

- измерения конструктов НВИ и интернет-зависимости являются самостоятельными, при этом тесно взаимосвязаны и образуют общую компоненту;
- имеет место значительное частотное наложение общих показателей НВИ и интернет-зависимости в выборке.

Результаты

Взаимосвязи НВИ как нормативного последствия использования Интернета с интернет-зависимостью

По данным корреляционного анализа (табл.) *предпочтение Интернета* несколько теснее связано с ключевыми симптомами интернет-зависимости ($r = 0,48$; $p < 0,001$), чем с производными от нее проблемами ($r = 0,43$; $p < 0,001$). Корреляция *предпочтения Интернета* с симптомами толерантности ($r = 0,43$; $p < 0,001$), компульсивными ($r = 0,41$; $p < 0,001$), отмены ($r = 0,41,7$; $p < 0,001$) вполне закономерна, т. к. соответствующие шкалы подразумевают особую ценность Интернета для пользователя.

Э. Фромм понимает зависимость как отчуждение себя, порабощение целостного человека одной страстью: «Им управляет частичное желание, на которое он переносит все утраченное им; и чем он слабее, тем оно сильнее. Он отчужден от самого себя как раз потому, что превратился в раба одной из частей самого себя» [21, с. 72]. Предпочтение Интернета человеком, который становится рабом технологически развоплощенной части Я,

предполагает зависимость от киберпространства. Симптомы интернет-зависимости, таким образом, приобретают новый смысл очарованности пользователя возможностью отделаться от скованности физическим телом, преимуществами существования в качестве свободного духа. Киберпространство – «территория, одновременно являющаяся и частью Я, и частью Других, которая предоставляет место для самовыражения, межличностных открытий, игры, творчества и, к сожалению, психопатологий»⁴. Подобная неоднозначность может быть распространена и на развоплощение пользователя, потенциал которого нивелирует мера «заколюченности»⁵ в компьютерной виртуальной реальности.

Шкала *невоплощенность как виртуализация*, напротив, несколько слабее коррелирует с симптомами интернет-зависимости ($r = 0,41$; $p < 0,001$) и теснее – с проблемами, производными от нее ($r = 0,45$; $p < 0,001$): внутриличностными и со здоровьем ($r = 0,45$; $p < 0,001$), с управлением временем ($r = 0,36$; $p < 0,001$). Полученные данные позволяют включить в число традиционно обозначаемых проблем, сопровождающих большинство аддикций, специфические

для зависимого пользователя Интернета проблематизацию собственного Я, его реальности и ощущение иллюзорности существования, соответствующие онтологической неуверенности.

Обсуждаемые связи позволяют дополнить представление об интернет-зависимости наличием у пользователя амбивалентных переживаний, отражающих, с одной стороны, предпочтение Интернета как прибежища развоплощенного Я, а с другой – прогрессирующую виртуализацию, утрату ощущения достоверности, надежности бытия.

Шкала *витаальность воплощенного Я* слабо отрицательно связана как с симптомами интернет-зависимости ($r = -0,09$; $p < 0,051$), так и с сопутствующими ей проблемами ($r = -0,16$; $p < 0,001$). Незначительное снижение измерений интернет-зависимости может указывать на ограничения витальности Я, не отличающейся в этом плане от других проявлений психологического здоровья «обычных» людей. Возможно, полученные результаты имеют отношение к тому, что зависимость от Интернета в определенной мере свидетельствует о причастности к нему, необходимой для жизни в информационном обществе.

Коэффициент корреляции между общим показателем НВИ и итоговым CIAS баллом ($r = 0,54$; $p < 0,001$), а также уровень значимости связи между ними могут подтверждать, что речь идет о конструктах, соответствующих сторонам единой реальности, но при этом различных.

Если следовать мнению о том, что патологические процессы формирования зависимости связаны с искажением процессов, обуславливающих использование технологий в норме [22], интернет-зависимости соответствует технологическое развоплощение, оборачивающееся расколом Я, указывающим на слабость Эго – одну из основных форм психологического неблагополучия. В отличие от корреляционного анализа, линейно представляющего соотношение измерений интернет-зависимости и НВИ, картина распределения частотности соответствующих показателей может обнаружить особенности этого соотношения на разных уровнях выраженности феноменов.

Распределение частотности НВИ и интернет-зависимости

Кривые частотности распределения общих показателей интернет-зависимости (красная заливка) и НВИ (зеленая заливка) в Т-баллах свидетельствуют об их значительном наложении (рис.). Некоторое опережение показателей интернет-зависимости показателей НВИ при низкой выраженности тех и других можно объяснить меньшей доступностью невоплощенности для рефлексии по сравнению с проявлениями интернет-зависимости. Относительно большая «шапка» средних значений НВИ, накрывающая

Табл. Взаимосвязи НВИ с интернет-зависимостью

Tab. Correlations between Disembodiment on the Internet and Internet addiction

Показатели	Невоплощенность как виртуализация	Предпочтение Интернета	Витаальность воплощенного Я	НВИ
Com (компульсивные симптомы)	0,39***	0,41***	-0,14**	0,45***
Wit (симптомы отмены)	0,31***	0,41***	-0,05	0,37***
Tol (симптомы толерантности)	0,38***	0,43***	-0,05	0,43***
IN (внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем)	0,45***	0,38***	-0,18***	0,50***
TM (проблемы с управлением временем)	0,36***	0,40***	-0,11*	0,42***
IA-Sym (ключевые симптомы зависимости)	0,41***	0,48***	-0,09*	0,48***
IA-RP (проблемы, связанные с зависимостью)	0,45***	0,43***	-0,16***	0,51***
Общий CIAS балл	0,46***	0,49***	-0,14**	0,54***

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

⁴ Сулер Дж. Психоаналитическая киберпсихология. *Cyberpsy*. 13.09.2017. URL: <https://cyberpsy.ru/articles/suler-cyberpsychology> (дата обращения: 21.05.2022).

⁵ Слово заимствовано Р. Лэйном у С. Кьеркегора для обозначения экзистенциального положения шизоида [14, с. 69].

показатели частотности интернет-зависимости среднего диапазона, показывает, что более очевидным и / или значимым бестелесный статус является для склонных к интернет-зависимости пользователей. Попеременное опережение роста выраженности самых высоких показателей интернет-зависимости и НВИ может свидетельствовать о чередовании различающихся переживаний. Гедонистическая составляющая, скорее, свойственна интернет-зависимости, предполагающей определенное удовольствие от симптомов. В отличие от них невроз, с которым сближаются слабость Я и развоплощенный способ бытия, больше ассоциируется со страданием.

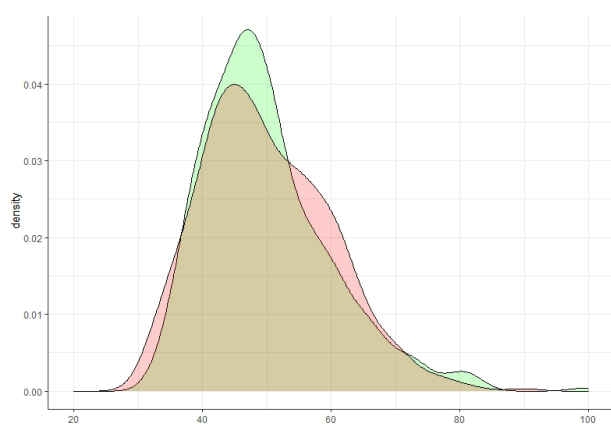

Рис. Плотности распределения общих показателей НВИ и интернет-зависимости

Fig. Density distributions of Disembodiment on the Internet and Internet addiction general indicators

Однако описанные здесь особенности распределений, отличающие их друг от друга, могут быть случайными. Результаты критерия Колмогорова-Смирнова ($D = 0,06$; $p = 0,297$), позволившего статистически сравнить два распределения, свидетельствуют об отсутствии значимых различий между ними.

Если руководствоваться нормами адаптированной методики [20], то почти половину нашей общей выборки составляют группы интернет-независимых пользователей ($n = 117$) и зависимых пользователей ($n = 78$). Другую половину общей выборки составляют пользователи со склонностью к возникновению интернет-зависимого поведения ($n = 218$).

Отсутствие значимых различий обоих распределений кроме отмеченной связи конструктов соотносится с их зеркальным характером. Зависимость с компонентом злоупотребления Интернетом через склонность к интернет-зависимости перетекает в нашу «обычную» зависимость от гаджетов, без которых мы уже не можем жить в современном мире. Нормативная невоплощенность через некоторый промежуточный уровень ее выраженности трансформируется в технологическое развоплощение, сближающееся с патологией. Мера выраженности

обоих феноменов может быть обусловлена характером активности пользователя, предпочтения им реальных и мнимых преимуществ Интернета и бестелесного статуса. За традиционной симптоматикой интернет-зависимости и проблемами поведенческого порядка, объединяющими ее с другими аддикциями, просматривается симптоматика ослабления разделенного Я и психологические проблемы, порождаемые его виртуализацией.

Структура НВИ и интернет-зависимости

Факторный анализ методом главных компонент выявил единую компоненту (71,4 % ДОО без вращения, собственное число = 2,14), составленную надшкальными показателями ключевых симптомов интернет-зависимости ($IA-Sym = 0,876$) и соответствующих ей проблем ($IA-RP = 0,888$) с общим показателем ($НВИ = 0,766$).

Предположительно, фактор описывает некоторую реальность, порожденную взаимодействием человека с технологией. Ею может быть технологический способ бытия-в-мире, который, с одной стороны, обладает набором общих с другими зависимостями клинических признаков (компульсивность, толерантность, отмена), а с другой – отличается от них ограниченностью воплощенного присутствия пользователя в мире. Новый способ существования, помимо обычных для аддикций проблем дезадаптации, отягощают проблемы, связанные с технологическим развоплощением.

Заключение

Представлены теоретический и эмпирический конструкты невоплощенности в Интернете. Их основание составляет клинический потенциал концепции невоплощенности (онтологической неуверенности) экзистенциального психиатра Р. Д. Лэйнга, позволяющий прояснить особенности феномена, порожденного современными информационными технологиями, при нормативном и выходящем за границы нормы использовании Интернета.

Изложены результаты предпринятого посредством одноименной авторской методики исследования невоплощенности в Интернете и русскоязычной адаптации шкалы интернет-зависимости С.-Х. Чена. Тесная взаимосвязь измерений методик, значительное частотное наложение интегральных показателей позволяют дополнить традиционный взгляд на интернет-зависимость (с точки зрения эскапизма, обычной симптоматики аддикций и проблем с адаптацией) новым представлением, предполагающим особую форму ухода от реальности путем технологического развоплощения, специфические симптомы раскола, слабости Я и соответствующие проблемы (виртуализации, дереализации).

Образованная надшкальными показателями методик мощная общая компонента может указывать на то, что интернет-зависимость как одна из форм отклоняющегося поведения и невоплощенность, бестелесный статус

пользователя в зависимости от степени выраженности составляют аспекты комплексной психологической реальности – нового технологического модуса / довлеющего способа бытия-в-мире.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Статья написана при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07046 «Потенциал индивидуальности человека и роль креативности, интеллекта и успеха в его реализации в высшем образовании (на материале исследования студентов гуманитарного профиля)».

Funding: The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-29-07046 "The potential of human individuality and creativity, intelligence and success in its fulfillment in higher education (based on the research of students of humanitarian profile)".

Литература / References

1. Лэнгле А. А. Согласие в зависимости. Экзистенциально-аналитический подход. *Национальный психологический журнал*. 2019. Т. 3. № 3. С. 47–59. [Länge A. A. Consent to addiction. *Existential analytical approach. National Psychological Journal*, 2019, 3(3): 47–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/npj.2019.0306>
2. Плокк С. дю. Некоторые размышления по поводу экзистенциально-аналитического подхода к работе с зависимостями. *Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия*. 2004. № 4. [Plock S. du. Some reflections on an existential-phenomenological approach to working with addiction. *Ekzistentsialnaia traditsiia: filosofiiia, psikhologiia, psikhoterapiia*, 2004, (4). (In Russ.)] URL: http://journal.existradi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=70:2009-09-26-19-36-19&catid=40:-4&Itemid=59 (accessed 14 Dec 2022).
3. Young K. S. Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology & Behavior*, 1998, 1(3): 237–244. <https://doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237>
4. Laconi S., Rodgers R. F., Chabrol H. The measurement of Internet addiction: a critical review of existing scales and their psychometric properties. *Computers in Human Behavior*, 2014, 41: 190–202. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.09.026>
5. Фрейд З. Неудобства культуры. *Художник и фантазирование*. М.: Республика, 1995. С. 299–336. [Freud S. Inconveniences of culture. *Artist and fantasizing*. Moscow: Respublika, 1995, 299–336. (In Russ.)]
6. Янг К. С. Диагноз – Интернет-зависимость. *Mir Internet*. 2000. № 2. С. 24–29. [Yang K. S. Diagnosis – Internet addiction. *Mir Internet*, 2000, (2): 24–29. (In Russ.)]
7. Turkle Sh. *Life on the screen: identity in the age of the Internet*. NY: Simon & Schuster, 1995, 347.
8. Белинская Е. П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей. *Образование личности*. 2016. № 2. С. 31–39. [Belinskaya E. P. The relationship between real and virtual identities of social networks users. *Obrazovanie lichnosti*, 2016, (2): 31–39. (In Russ.)] EDN: WTHTZH
9. Исаева А. Н. «Бестелесность» личности в условиях виртуальной культуры. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 18. № 3. С. 491–505. [Isaeva A. N. The "disembodiment" of the personality in the context of virtual culture. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2021, 18(3): 491–505. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-491-505>
10. Платон. Собрание сочинений. М.: Мысль, 1990. Т. I. 860 с. [Platon. *The collected works*. Vol. I. Moscow: Mysl, 1990, 860. (In Russ.)]
11. Юнг К. Г. Божественный ребенок: аналитическая психология и воспитание. СПб.-М.: Олимп; АСТ-ЛТД, 1997. 400 с. [Jung C. G. *The divine child: analytical psychology and upbringing*. St. Petersburg-Moscow: Olimp; AST-LTD, 1997, 400. (In Russ.)]
12. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Психологические последствия развития информационных технологий. *Национальный психологический журнал*. 2012. № 1. С. 81–87. [Emelin V. A., Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. The psychological affects of information technologies. *National Psychological Journal*, 2012, (1): 81–87. (In Russ.)] EDN: OPPFWX
13. Власова О. А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010. 640 с. [Vlasova O. A. *Fenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers and problems*. Moscow: Territoria budushchego, 2010, 640. (In Russ.)] EDN: RAYWFB
14. Лэйнг Р. Д. Расколотое «Я»: экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия. Феноменология переживания и Райская птичка. 2-е изд. М.: ИОИ, 2017. 350 с. [Laing R. D. *The divided self: an existential study in sanity and madness. The politics of experience and the bird of paradise*, 2nd ed. Moscow: IOI, 2017, 350. (In Russ.)]
15. Коптева Н. В. Три образа невоплощенного Я. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2020. Т. 9. № 2-1. С. 118–126. [Kopteva N. V. Three images of the unembodied self. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2020, 9(2-1): 118–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34670/AR.2020.60.24.013>

16. Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 1: теоретические основания и конструкт. *Клиническая и специальная психология*. 2021. Т. 10. № 3. С. 31–48. [Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Unembodiment on the Internet. Part 1: theoretical basis and construct. *Clinical Psychology and Special Education*, 2021, 10(3): 31–48. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100303>
17. Коптева Н. В., Калугин А. Ю., Дорфман Л. Я. Невоплощенность в Интернете. Сообщение 2. Психометрическая проверка инструментария. *Клиническая и специальная психология*. 2021. Т. 10. № 4. С. 205–233. [Kopteva N. V., Kalugin A. Yu., Dorfman L. Ya. Unembodiment on the Internet. Part 2. Psychometric verification of the questionnaire. *Clinical Psychology and Special Education*, 2021, 10(4): 205–233. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100410>
18. Chen Y.-F., Peng S. S. University students' Internet use and its relationships with academic performance, interpersonal relationships, psychosocial adjustment, and self-evaluation. *CyberPsychology & Behavior*, 2008, 11(4): 467–469. <https://doi.org/10.1089/cpb.2007.0128>
19. Yen J.-Y., Yen C.-F., Chen C.-S., Tang T.-C., Ko C.-H. The association between adult ADHD symptoms and Internet addiction among college students: the gender difference. *CyberPsychology & Behavior*, 2009, 12(2): 187–191. <https://doi.org/10.1089/cpb.2008.0113>
20. Малыгин В. Л., Феклисов К. А., Искандирова А. С., Антоненко А. А., Смирнова Е. А., Хомерики Н. С. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. М.: МГМСУ, 2011. 32 с. [Malygin V. L., Feklisov K. A., Iskandirova A. S., Antonenko A. A., Smirnova E. A., Khomeriki N. S. *Internet-dependent behaviour. Criteria and methods of diagnosis*. Moscow: MSUMD, 2011, 32. (In Russ.)] EDN: ZUVFLR
21. Фромм Э. Из плена иллюзий. М.: АСТ, 2017. 224 с. [Fromm E. *Beyond the chains of illusions*. Moscow: AST, 2017, 224. (In Russ.)]
22. Емелин В. А., Тхостов А. Ш., Рассказова Е. И. Психологические факторы развития и хронификации технологических зависимостей. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*. 2013. № 1. С. 171–180. [Emelin V. A., Thostov A. Sh., Rasskazova E. I. Psychological factors of development and chronicity of technological addictions. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie www.psyedu.ru*, 2013, (1): 171–180. (In Russ.)] EDN: PZRNGN